

Суббота, 19 сентября 1909 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№ 849.

Александринскій театръ.

Возобновленіе „Иванова“ А. П. Чехова.

Это ясно, что Чехова рѣшено ввести въ основной репертуаръ Александринскаго театра. Изъ пяти его пьесъ теперь уже три пьесы не снимаются съ репертуара („Вишневый садъ“, „Дядя Ваня“ и „Ивановъ“, теперь возобновленный). Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ годъ-два Чеховъ займетъ подобающее ему мѣсто на образцовой сценѣ рядомъ съ Островскимъ.

Установилось мнѣніе, что только пьесы Островскаго—спеціальность Александринскаго театра, но что Чехова здѣсь играть не умѣютъ. Почему именно лучшая русская драматическая труппа не можетъ осилить Чехова, а актеры Станиславскаго могутъ—надъ этимъ никто не задумывается. Кажется бы, „царевичъ можетъ знать, что вѣдаетъ князь Шуйскій“, что то, что дано обыкновеннымъ актерамъ,—подавно дано корифеямъ сцены.

Между тѣмъ, кто слѣдитъ за театрами не по однимъ премьерамъ, а, что называется, живетъ въ театрѣ, тотъ знаетъ, что Александринскій театръ далеко не такъ безпомощенъ передъ Чеховымъ, какъ принято думать. Пойдите теперь посмотрѣть на Александринской сценѣ „Вишневый садъ“. Что это за очарованіе! Такого ансамбля, такой истинно художественной красоты, такого проникновенія Чеховымъ вы не видѣли на сценѣ московскаго Художественнаго театра. „Вишневый садъ“ исполняется теперь въ Александринскомъ театрѣ съ той же виртуозностью, какъ „Сердце—не камень“, „Поздняя любовь“ и др. пьесы Островскаго.

И я думаю, что современемъ такъ будутъ разгравать и „Дядю Ваню“, и „Иванова“.

И Островскій не сразу достигъ своего нынѣшняго апогея на Александринской сценѣ. Истиннохудожественныя созданія искусства не рождаются сразу, а образуются, особенно—на сценѣ. Мы знаемъ, что высшая мудрость—познаніе самого себя. Каковъ же трудъ актера, которому приходится *познать* не себя, а другого! Между тѣмъ, мы судимъ о созданіяхъ актера по премьерамъ, т. е. тогда, когда онъ, такъ сказать, только что *познакомился* съ тѣмъ лицомъ, которое онъ призванъ познать, какъ самого себя.

А актеры—люди. Сколько бы ни репетировали пьесу—первое представленіе все же остается первымъ. Особенно, если вспомнить недавніе „вы-

говоры“ и увѣщанія театральной дирекціи по поводу непосѣщенія артистами репетицій. Не даромъ всѣ крупныя артисты твердятъ одно и то же:

— Не судите по первому представленію. Приходите смотрѣть 5-е, 10-е представленіе. Одно представленіе передъ публикой стоитъ 10 репетицій.

И „Ивановъ“, если судить по первому по возобновленію представленію, можетъ укрѣпить заблужденіе, что Александринскій театръ „не умѣетъ“ играть Чехова. Кромѣ Савиной, у которой роль Сарры отбѣлана, закончена, которая положительно потрясаетъ своей глубокой правдой, исполненіе пьесы приводило впечатлѣніе лишь образовывающагося художественнаго созданія, но далеко не готоваго. Чувствовалось, что артисты еще не *познали* изображаемыхъ лицъ, какъ самихъ себя, что между ними пока лишь одно шапочное знакомство. Но чувствовалось, что эти артисты смогутъ, что пройдутъ нѣсколько представленій и „Ивановъ“ доставитъ такое же художественное наслажденіе, какое даетъ теперь „Вишневый садъ“.

Вотъ, несомнѣнно, скажутъ, что Варламовъ, скромнѣйшій Варламовъ, не умѣетъ играть Чехова, такъ какъ въ роли Лебедева онъ, дѣйствительно, былъ далеко не только отъ чеховскаго образа, но и отъ какого бы то ни было образа, характера, типа. Чувствовалось, что артистъ еще не впиталъ въ себя роль, что онъ только пробуетъ, нащупываетъ душевные тона Лебедева, но аккорда полного еще не даетъ. Но кто видѣлъ Варламова въ роли Симеонова-Пыщика въ „Вишневомъ садѣ“, тотъ понимаетъ недѣльность разговоровъ объ „умѣніи“ или „неумѣніи“. Варламовъ все умѣетъ, ибо онъ есть Божіей милостью актеръ. Дайте сроку—и онъ заиграетъ въ „Ивановѣ“ такъ, какъ играетъ теперь въ „Вишневомъ садѣ“.

Роль Иванова игралъ г. Ходотовъ. Артистъ мѣстами обнаруживалъ чисто трагическій темпераментъ, вообще, оправдалъ себя, какъ талантливый человѣкъ и призванный актеръ, но чеховскимъ Ивановымъ и онъ будетъ только современемъ.

Онъ скоро самъ почувствуетъ всю фальшь отдѣльныхъ сценъ, позъ, интонацій, и займется отдѣлкой роли. Съ своей стороны, мнѣ хочется указать и исполнителю, и режиссеру, г. Озаровскому, что трагизмъ, если онъ дѣйствительно есть у Чехова, онъ выражается не въ *активности*, а въ *пассивности* его героевъ. Въ этомъ—весь Чеховъ. Въ этой пассивности—вся драма Ивановыхъ всея Руси. Чеховъ подмѣтилъ то, что немногіе замѣтили, наблюдая типично-русскихъ людей среди интернаціональной публики.

Онъ замѣтилъ, что нѣмцы, французы, англичане,—словомъ, всѣ люди *ходятъ*, типичный же русскій—*тащится*.

Вотъ оно, то роковое, та трагедія, что лежитъ въ насъ, въ нашемъ Ивановѣ. Мы не умѣемъ *ходить*, мы—*тащимся*.

Тащится и Ивановъ у Чехова. Умный, образованный, добрый, съ великою русскою совѣстью, съ чуткою, нервно-чуткою душою, онъ неуклюже плетется на своемъ жизненномъ пути, отравляя себя и окружающимъ существованіе, не умѣя *ходить* „какъ всѣ люди“. И подобно тому, какъ всѣхъ тошнитъ отъ назойливой честности доктора Львова, такъ всѣхъ больно задѣваетъ и неповоротливый гигантъ тѣла и духа, нима которому—Русскій. Раздраженный, онъ неумѣло оскорбляетъ больную женщину всѣмъ для него пожертвовавшую Сарру; полюбивъ Сашеньку, онъ скандализируетъ себя и любимую женщину. И все это дѣлается не по фатальной страсти, а по фатальной душевной неуклюжести.

Для изображенія такого Иванова, по моему, и повышенія тона даже не требуется. Зѣхъ актеру нужно показывать свой темпераментъ изнутри, а не вѣнше. Мнѣ кажется, что чеховскій Ивановъ даже и раскричаться толкомъ не умѣлъ по своей душевной неворотливости. А г. Ходотовъ „геройствовалъ“, свирѣпствовалъ, что называется, бросался на людей. Роль Иванова, по-моему, надо вести минорнѣе, тише, слабовольнѣе. Пусть будутъ порывы, вспышки, но не должно проявлять длительныхъ порывовъ, горѣнія вмѣстѣ вспышки. Иначе Ивановъ—не Ивановъ, и драма его души—не драма.

Не готова и роль Сашеньки у г-жи Ведринской. Были хорошія интонаціи, какъ всегда у этой молодой талантливой артистки, чувствовалась осмысленность въ позахъ и жестѣхъ, но типа не было. Мнѣ почему-то все казалось, что *эта* Сашенька—какая-то не русская, не дитя русскихъ помѣстій, **не** соседка Иванова, вѣрнѣе, Ивановыхъ, а откуда-то издалека пришедшая возродитъ Иванова. Надо бы эту Сашеньку обрусить, что-ли. Вѣдь, въ сущности, и Сашенька *тащится*, а не *ходитъ*, какъ всѣ дѣвушки ея интеллекта. И съ ея стороны романъ такъ же нелѣпъ, какъ и со стороны Иванова. Вѣдь, она, въ сущности, по Чехову,—панданъ къ Иванову.

Виртуозъ грима и типичности, г. Петровскій изображалъ Шабельскаго. Я видѣлъ и генеральную репетицію, и спектакль. Въ спектаклѣ г. Петровскій радикально измѣнилъ и гримъ, и ко-

стюмъ противъ генеральной репетиціи. По моему, послѣдній рисунокъ артиста нуждается еще въ нѣкоторой корректурѣ. Пока въ его Шабельскомъ еще не чувствуется былой импозантности опустившагося и разорившагося графа. Пока онъ только хорошо отбѣиваетъ ту „Ивановщину“, которая и Шабельскаго обезличила.

Г. Лерскому, изображавшему Боркина, въ общемъ, удачно, я посоветовалъ бы сдѣлать Боркина моложе и рѣзвѣе. Благо, у артиста молодости—хоть отбавляй.

Совершенно неожиданно для знакомыхъ съ составомъ труппы роль Бабакиной играла не г-жа Потоцкая, а мало опытная или мало доровитая молодая артистка. И роль почти пропала. Неужели г-жа Потоцкая отказалась отъ такой выигрышной для нея роли?

Г. Петровъ даетъ удачный вѣншній рисунокъ честнаго земскаго врача.

Законченно, безукоризненно, кромѣ роли Сарры, пока въ пьесѣ исполняется только роль Косыха-г. Шаповаленко. Когда я смотрю на г. Шаповаленко, мнѣ всегда думается: какія залежи талантовъ въ стѣнахъ Александринскаго театра! Шаповаленко—большой актеръ, а про него никто не слышитъ, никто о немъ не говоритъ.

Что сказать о Савиной въ роли Сарры? Тутъ нужна цѣлая монографія, чтобы объяснить, какъ великъ ея сценическій талантъ, какъ чудесна ея способность къ перевоплощеніямъ. Сцена объясненія Сарры съ Ивановымъ—непостижимое представление. Этого пустой чахоточный грудной голосъ, эта подкошенность всего тѣла—откуда это, какъ это дѣлается? Непостижимо! Тутъ ничего положительно не скажешь. Тутъ возможна лишь рецензія изъ трехъ словъ: Савина—есть Савина.

Театръ не былъ полонъ. Были свободныя кресла и ложи, что большая рѣдкость на премьерахъ въ Александринскомъ театрѣ. Я полюбопытствовалъ узнать причину отъ изучившихъ психологію публики кассиршъ театра. И вотъ, что мнѣ сказали:

— Публика думаетъ, что „Ивановъ“ и „Дядя Ваня“—одна и та же пьеса. Насъ объ этомъ многіе разспрашивали.

Браво, публика!

И. Осиповъ.